

введена в русскую письменность деятелями литературного кружка, группировавшегося вокруг новгородского архиепископа Геннадия и создавшего Геннадиевскую Библию 1499 г. Д. Н. Стремоухов полагает поэтому, что, создавая теорию трех мировых царств, Филофей находился под воздействием Геннадиевского кружка и переводчика Библии доминиканца Вениамина.⁵

Это предположение Д. Н. Стремоухова получает некоторое подтверждение благодаря рукописным материалам, которые были неизвестны автору. В научной литературе не раз упоминался важнейший источник Геннадиевской Библии — сборник библейских книг, составленный сподвижником Геннадия, католиком-доминиканцем Вениамином.⁶ Сборник этот, никогда еще не бывший предметом специального исследования, содержит все основные материалы, отсутствовавшие в славянских переводах с греческого и переведенные из Вульгаты.⁷ Обратившись к этому сборнику, мы находим в нем подтверждение того, что пророчество Ездры о трех головах орла — трех царствах привлекало к себе внимание переводчика Библии и особо выделялось им. Легенда о трехглавом орле не только читается здесь в соответствующем месте перевода,⁸ но является также сюжетом специального и единственного сохранившегося в рукописи рисунка, служащего заставкой к III книге Ездры (см. рисунок).⁹ Итак, пророчество о трех царствах вызывало специальный интерес в кругах, близких к новгородскому владыке, и могло давать повод для исторических параллелей и сопоставлений.

Но как именно могло трактоваться это пророчество в Геннадиевском кружке? Д. Н. Стремоухов полагал, что католик Вениамин, вероятно, отождествлял третью голову орла Ездры с Германской Священной Римской империей, но работавший вместе с Вениамином русский переводчик Дмитрий Герасимов мог уже относить это пророчество к Москве, гербом которой стал в это время двуглавый орел.¹⁰ В другой своей статье, опубликованной в 1957 г., Д. Н. Стремоухов развил эту мысль еще далее. Для характеристики Геннадиевского кружка автор приводит в этой статье «Повесть о белом клобуке» — памятник, во вступительной и заключительной приписках к которому содержится ссылка на архиепископа Геннадия как на заказчика повести и на «Дмитрия Толмача» или «Митю Малого» как на ее автора; в пространной редакции этого памятника говорится о «Москве — третьем Риме» в тех же точно выражениях, что и в послании Филофея. Признавая (хотя и предположительно) автентичность известия о Дмитрие Герасимове как сочинителе «Повести», Д. Н. Стремоухов тем самым открывает возможность для использования этого памятника как источника, характеризующего политическую программу Геннадиевского кружка.¹¹

Привлечение «Повести о белом клоубке» для характеристики Геннадиевского кружка представляется нам едва ли возможным. Поздний ха-

⁵ D. Stre moukhoff, *Moscow the Third Rome*, стр. 91, 92, 97.

⁶ А. Горский и К. Невоструев, *Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки*, отд. I. М., 1855, стр. 127—128, примечание; ср.: И. Е. Евсеев, *Геннадиевская Библия 1499 г.* СПб., 1914, стр. 12.

⁷ ГПБ, Погод. 84. Рукопись эта, вопреки мнению предшествующих исследователей, является, по-видимому, не автографом конца XV в., а точной копией с него (середина XVI в.), сохранившей авторскую запись Вениамина, сделанную в 1493 г. На составе этого сборника мы останавливаемся более подробно в статье «К вопросу о „латинстве“ Геннадиевского литературного кружка» (*Сборник по древнерусской литературе ИМЛИ*).

⁸ ГПБ, Погод. 84, лл. 256, 257.

⁹ ГПБ, Погод. 84, л. 234.

¹⁰ D. Stre moukhoff, *Moscow the Third Rome*, стр. 91, 92.

¹¹ D. Stre moukhoff, *La tiare de Saint Sylvestre et le Klobuk blanc*. — *Revue des études slaves*, t. 34, f. 1—4. Paris, 1957, стр. 126, 127.